

Шестая глава из «ЧЕРНОЙ КНИГИ КОММУНИЗМА»

СССР С 1923 ПО 1936 ГОД

Это первое не художественное, а именно историко-публицистическое исследование чудовищных преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Только во Франции ее тираж составил 300 000 экземпляров. Переведена на 31 язык. На русском языке книга вышла в издательстве «Три века истории».

(...продолжение, начало в №№85-97)

«СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» И ЦИКЛЫ РЕПРЕССИЙ

Далее, надо решить, что делать с тысячами недовольных режимом, которые заполнили тюрьмы и которых даже невозможно было использовать на каких-либо работах: «Какой эффект могут дать новые репрессивные меры?» – вопрошал другой ответственный партиец в марте 1933 года, когда стало известно о предложении прокуратуры освободить сотни колхозников, приговоренных за последние месяцы к двум и более годам лишения свободы за «срыв посевной кампании».

Ответы на эти вопросы получили в ходе лета 1933 года два различных преломления, чередование которых и хрупкое равновесие характеризуют период с лета 1933 года по осень 1936 года, то есть период до начала Большого Террора.

Вопрос о том, как провести в опустошенных голодом и раскулачиванием районах полевые работы и обеспечить будущий урожай, власти решили, мобилизовав городское население; начали они с массовых облав рабочей силы, которая отсылалась в деревню *mapu militari* (вооруженной рукой).

«Мобилизация городских жителей, – писал 20 июля 1933 года итальянский консул из Харькова, – приняла грандиозные размеры. ... На этой неделе, по крайней мере, 20 000 человек посылаются ежедневно в деревню. ... Позавчера они окружили базар, захватили там всех здоровых людей, мужчин, женщин, подростков обоего пола и отвезли их на вокзал под охраной ГПУ, чтобы затем послать их на поля».

Массовый наплыв городских жителей в голодные деревни не мог не создать там определенного напряжения. Крестьяне поджигали бараки, где предполагалось расселить «мобилизованных», которых, конечно же, проинструктировали осторожно вести себя в местах, «населенных людоедами». Тем не менее, благодаря исключительно благоприятным метеорологическим условиям, мобилизация свободной рабочей силы и инстинкт насильно привязанных к деревне желающих выжить людей заставлял их работать на земле, чтобы не умереть с голоду. Так, бывшие голодными в 1932-1933 годах районы, дали осенью 1933 года вполне достаточный урожай.

Вопрос о том, что делать с потоком заключенных, наводняющих тюрьмы, власти

решили весьма прагматически, освобождая десятки тысяч человек. Специальный циркуляр от Центрального Комитета от 8 мая 1933 года признал необходимость «упорядочить осуществляемые неизвестно кем аресты»..., разгрузить места заключения и «снизить в двухмесячный срок общее число заключенных с 800 000 до 40 000», за исключением заключенных в лагеря.

Операция по разгрузке мест заключения длилась около года, и приблизительно 320 000 арестованных были освобождены.

1934 год с точки зрения проведения репрессий был относительно спокойным. Об этом свидетельствует сильное уменьшение числа приговоренных подследственных ОГПУ, которое упало до 79 000 против 240 000 в 1933 году. Политическая полиция была реорганизована. Согласно указу от 10 июля 1934 года ОГПУ стало одним из отделов нового Народно-комиссариата внутренних дел, организованного в масштабах всего Советского Союза.

Оно казалось почти затерянным среди менее опасных отделов, таких как рабоче-крестьянская милиция, пограничники и т.д. Называясь теперь Народным Комиссариатом Внутренних Дел или сокращенно НКВД, секретные органы потеряли часть своих юридических привилегий. По окончании следствия дела надо было «передавать в компетентные судебные органы», и они не имели больше возможности «приговаривать к смертной казни» без разрешения центральной политической власти.

Создана была также процедура апелляции, а все списки приговоренных к смерти должны были быть утверждены Политбюро.

1 декабря 1934 года произошло убийство Сергея Кирова, члена Политбюро и первого секретаря Ленинградской партийной организации.

Убийца – молодой экзальтированный коммунист Леонид Николаев, которому удалось с оружием проникнуть в Смольный, место, где размещались руководящие органы Ленинградской партийной организации.

В последующие годы гипотеза о прямом участии Сталина в убийстве его главного «политического соперника» подтвердилась в разоблачительной речи Хрущева, называемой «закрытым докладом» 25-26 февраля 1956 года на

XX съезде партии. Однако эта гипотеза недавно была опровергнута в работе Аллы Кириллиной, которая опиралась на неизданные архивные данные. Из этого, однако, не следует, что убийство Кирова не было на руку Сталину и не было им широко использовано в политических целях.

Сталин удивительным образом сумел представить Николаева как заговорщика, который отныне становится центральной фигурой сталинской риторики. Идея заговора позволяла поддерживать атмосферу кризиса и напряжения в стране. В любой момент заговор мог стать вполне осязаемым доказательством реального существования обширной конспиративной организации, угрожающей стране, ее правительству и социализму. Этот заговорщик вовремя дал блестящее объяснение слабостей системы: если что-то было не в порядке в стране, если жизнь трудна, а ей следовало быть, согласно Сталину, «веселой и счастливой», значит, вина лежит на убийцах Кирова.

Несколько часов спустя после убийства был издан декрет, ставший известным под названием «закона от 1 декабря». Эта необычная мера была пущена в ход по личному распоряжению Сталина, только два дня спустя она была обсуждена Политбюро, поддержавшего сокращение до десяти дней разбирательство дел террористов, обсуждение их в отсутствии сторон, так же, как немедленное исполнение приговора к смертной казни. Этот закон, отменивший «длительные», растянувшиеся на несколько месяцев, судебные процедуры, должен был стать идеальным инструментом в развязывании Большого Террора.

В последовавшие за этим событием недели большое число бывших сталинских оппозиционеров внутри партии были обвинены в террористической деятельности. 22 декабря 1934 года пресса объявила о «страшном преступлении» подпольной террористической группы, в которую кроме Николаева, оказывается, входило еще тринадцать «бывших зиновьевцев», руководимых

Эти перемены, представленные как «меры по укреплению социалистической законности», имели, однако, весьма ограниченную эффективность. Контроль за решениями на аресты, подписанными прокуратурой, оказался невозможным, потому что генеральный прокурор Вышинский дал всю полноту власти репрессивным органам. С другой стороны, начиная с сентября 1934 года, Политбюро приостановило им же утвержденную недавно процедуру рассмотрения приговоров к высшей мере и разрешило ответственным представителям местной власти не обращаться за подтверждением таких приговоров к Москве. Но затишье длилось недолго.

так называемым «Ленинградским центром». Все члены этой группы были осуждены при закрытых дверях и немедленно расстреляны.

9 января 1935 года открылся процесс мифической «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы», включающей 77 человек, среди которых были те, кто оказывал сопротивление сталинскому курсу. Все они были приговорены к тюремному заключению. Обнаружение «Ленинградского центра»

помогло выявить «Московский центр», в который входило девятнадцать человек и лично Зиновьев и Каменев, они были обвинены в «идеологическом соучастии», сопричастности к убийству Кирова, и осуждены 16 января 1935 года.

Зиновьев и Каменев признали, что «прежняя деятельность оппозиции могла в силу объективных обстоятельств способствовать вырождению этих коммунистов в преступников». Ошеломляющее признание своей «идейной сопричастности», которое прозвучало после стольких раскаяний и публичных отрицаний, должно было представить двух бывших руководителей как искупительные жертвы в будущей пародии на правосудие. А пока это им стоило пяти и десяти лет заключения. В общем, за два месяца – с декабря 1934 года по февраль 1935 года – в соответствии с новой процедурой, предусмотренной законом о терроризме от 1 декабря, было осуждено 6 500 человек.

На следующий день после приговора Зиновьеву и Каменеву Центральный Комитет рассылает во все партийные организации секретный циркуляр, озаглавленный: «Уроки событий, связанных с подлым убийством товарища Кирова». В этом тексте говорилось о существовании заговора, руководимого «двумя зиновьевскими центрами»..., которые на самом деле «являются замаскированной формой белогвардейской организации», и напоминалось, что история партии была и остается постоянной борьбой с «антипартийными группами»: троцкистов, демократических центристов, правых и левых уклонистов, а также их последышей и т.п.

Под подозрение попадают все те, кто, когда бы то ни было, высказывался против сталинской линии. Охота на бывших оппозиционеров усилилась. В конце января 1935 года 988 сторонников Зиновьева были высланы из Ленинграда в Сибирь и Якутию. Центральный Комитет приказал всем местным партийным организациям составить списки коммунистов, исключенных из партии в 1926-1928 годах за принадлежность к троцкистскому и троцкистско-зиновьевскому блоку. На базе этих списков потом были произведены аресты. В мае 1935 года Сталин разослал в местные партийные инстанции новое письмо Центрального Комитета, предписывающее тщательную проверку личного дела каждого коммуниста.

(продолжение следует...)